

Рябова Марина Юрьевна

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ЭВФЕМИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются функции эвфемизмов в политическом дискурсе современной прессы. Анализ типов и структуры эвфемизмов предпринят на материале современного английского языка в форме текстов медиакоммуникации. Исследование показало, что основными функциями эвфемизмов в политическом дискурсе являются: изменение имиджевого статуса явления, вуалирование или сокрытие нежелательной информации, камуфлирование информации, эвразивность коммуникации. Дана классификация политических эвфемизмов на основе их функциональной многоаспектности и идеологической оценочности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 177-181. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

ON SYNERGETIC APPROACH UNDER STUDYING THE ECOLOGY OF TRANSLATION

Pylaeva Ekaterina Mikhailovna
Perm State National Research University
djally666_88@mail.ru

The article is devoted to the application of synergetic approach in the sphere of ecology of translation on the basis of the analysis of a literary text. Investigation of its qualities within the framework of the indicated approach is carried out by the example of the novel by A. Ivanov –“The Geographer Lost a Globe” and its translation into French executed by M. Weinstein. The studying of eco-meanings presenting in their integrity the natural biological field of the translator’s space testifies that the literary text is considered as a complex organized system.

Key words and phrases: eco-linguistics; ecology of translation; eco-meaning; theory of harmonization; translator’s space.

УДК 81‘373.49

Филологические науки

В статье рассматриваются функции эвфемизмов в политическом дискурсе современной прессы. Анализ типов и структуры эвфемизмов предпринят на материале современного английского языка в форме текстов медиакоммуникации. Исследование показало, что основными функциями эвфемизмов в политдискурсе являются: изменение имиджевого статуса явления, вуалирование или сокрытие нежелательной информации, камуфлирование информации, эвазивность коммуникации. Дана классификация политических эвфемизмов на основе их функциональной многоаспектности и идеологической оценочности.

Ключевые слова и фразы: эвфемия; эвфемизм; политический дискурс; идеология; вуалирование; эвазивность; медиакоммуникация.

Рябова Марина Юрьевна, д. филол. н.
Кемеровский государственный университет
mriabova@inbox.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ЭВФЕМИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[©]

Известно, что политическая коммуникация может характеризоваться рядом признаков, например таких, которые отмечает А. П. Чудинов: 1) ритуальность и информативность; 2) институциональность и личностный характер; 3) эзотеричность и общедоступность; 4) редукционизм и многоаспектность информации; 5) авторство и анонимность политического текста; 6) интертекстуальность и автономность; 7) агрессивность и толерантность [16, с. 42].

Очевидно, политический дискурс, как форма реализации политической коммуникации, представляет собой дискурс, имеющий своей целью завоевание и удержание политической власти. Политический дискурс – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [1, с. 6]. Известно, что дискурс, как коммуникативная практика и результат языкового семиозиса, всегда является отражением определенного идеологического знака, характерного для той или иной эпохи, культуры, пространства, выражая тем самым некий компонент «напряжения» или «силы», сопровождающий пропозициональную составляющую информации.

С точки зрения философии, идеология напрямую отражает властные отношения в обществе, и, таким образом, является инструментом самой власти. Идеология, как правило, представляет собой некий комплекс идей, взглядов, верований, и/или в целом систему знаний, отражающих представления общества, или определенного класса, или группы об окружающем мире. Идеологические оценочные суждения, как форма выражения идеологии, актуализируются посредством мнений, которые могут быть представлены в том или ином политическом дискурсе. Мнения, как правило, являются главным средством выражения идеологически маркированных концептов, идей, представлений и верований.

Концепт «мнения» есть некое представление о том, что оценивается с точки зрения истинности или ложности. При этом мнения не обязательно могут быть выражены прямо и открыто, они чаще всего могут быть переданы в виде имплицитной информации, средством передачи которой и выступает эвфемия.

Эвфемия представляет собой разнородное по своей структуре и весьма значимое в лексической системе языка лингвистическое явление, выраженное в использовании эвфемизмов. Вслед за А. М. Кацевым, под эвфемизмом понимается «не только троп, заключающийся в имплицитном выражении отрицательной оценки, но и элемент структуры языка, играющий важную роль в его историческом развитии» [12, с. 17]. Эвфемизация представляет собой непрерывный процесс замены одних наименований на другие, основанный на постоянной оценке и переоценке человеком форм выражения, исходящий из стремления к успешной коммуникации.

В работах И. Р. Гальперина и В. И. Заботкиной [4, с. 169; 10, с. 40] даются определения эвфемизмов, которые чаще всего апеллируют к их основному признаку – способности заменять табуированную и стигматизированную лексику, то есть лексику, вызывающую негативные эмоции, такие как стыд, отвращение, страх и прочее. Однако при этом доминирует либо слишком широкое, либо слишком узкое понимание эвфемии, не способствующее ее адекватному описанию.

Большой Энциклопедический Словарь «Языкознание» под редакцией В. Н. Ярцевой приводит следующее определение эвфемизма: «Эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными. Под эвфемизмами также понимаются окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [2, с. 590].

Как отмечает О. В. Валько, эвфемизация общественно-политической сферы имеет широкое распространение в лингвокультуре разных стран. Данное явление получило ряд других названий, существующих параллельно, среди которых можно указать следующие: «деревянный язык», «дубовый язык», «langue de bois», язык идеологии, «газетный жаргон», «партийная феня», «новояз» (cf. «new speak» у Дж. Оруэлл), «double speak», «канцелярит» (К. Чуковского), «резинный язык» или «langue de caoutchouc», «политкорректность» [3; 15]. Востребованность данного явления для сферы дипломатических отношений одновременно характеризуется явным злоупотреблением эвфемистическими перифразами в повседневной жизни, в которую все больше и активнее проникают некоторые словообразовательные модели, камуфлирующие реальность. Политический фактор оказывает непосредственное влияние на употребление эвфемизмов не только в речи представителей власти, но и в речи обычных людей. Однако интенции говорящих при этом значительно разнятся: если руководители стремятся сгладить негативный эффект от неприятного сообщения или создать положительный настрой и вызвать одобрение аудитории, то обыватели стремятся обойти гласные или негласные ограничения, цензурные запреты. В. З. Демьянков [9, с. 43] иллюстрирует данное положение использованием официальных лицами эвфемизма «малообеспеченность» вместо слова «бедность», «культ личности» вместо «диктатура» и т.д. Дж. А. Данн [7, с. 51] отмечает, что эвфемистичность является характерным признаком административного языка. Эвфемизмы так прочно внедряются в речь политической и административной элиты, что превращаются в клише, за которыми порой с трудом угадывается реальный смысл сообщения.

По мнению Г. А. Заварзиной, политические эвфемизмы создаются для нейтрализации истинного смысла прямых наименований, нежелательных по политическим или этическим причинам. Тем не менее, носители языка способны интерпретировать эвфемистические единицы более или менее однозначно. Г. А. Заварзина выделяет следующие сферы употребления политических эвфемизмов: 1) органы власти и их деятельность, например, *управляемая демократия*; 2) военные действия и их участники, например, *зачистка территории* в значении *физическое уничтожение*; 3) экономические меры, например, *либерализация цен, свободные цены* в значении *рост цен*; 4) различные национальные и социальные группы и отношения между ними, например, *гастролеры из кавказского региона* в значении *преступные группы с Кавказа*; 5) явления внешнеполитического характера, например, *однополярный мир* вместо *диктат США* [11, с. 54-55].

На материале современного политического дискурса, представленного текстами американских средств массовой информации, были отмечены следующие функции эвфемии: 1) стремление разрешить сложные эмоциональные ситуации: *put an end to its suffering*: «*We put an end to her suffering*» (эвтаназия);

2) сокрытие правды: *culturally-deprived area* вместо *slum*; *air support missions* вместо *aerial bombardment*;

3) придание социального статуса: *sanitary engineer* вместо *janitor, garbageman*;

4) желание представить ситуацию как социально более приемлемую: *motion discomfort bag* вместо *vomit sack*; *landfill, recycling center* вместо *dump*; *pre-owned car* вместо *used car*;

5) стремление удовлетворить человеческое тщеславие (например, с помощью рекламы): *pretty-plus girls' size* вместо *overlarge (plump, fat) girls' size*;

6) «техникализация» языка со стороны специалистов: *receiving waters* вместо *effluent (of a sewage treatment plant)* [8, с. 99].

К вышеназванным функциям эвфемии можно добавить стремление избежать конфронтации (особенно в сфере социальных, политических и экономических отношений) и желание пощадить чувства других людей, избежать оскорбления или нанесения обиды.

Принадлежность слова к эвфемии зависит от того, насколько слово способно принять косвенность обозначения. Большинство слов, образующих эвфемизмы, – абстрактные существительные. Отвлеченность значения слова автоматически создает у реципиента максимально неопределенное или нейтральное представление об объекте. Например, широко известно, что одной из важнейших проблем развитых стран становится наплыв эмигрантов, готовых работать при любых условиях и любой нагрузке. Лидеры государств, стремясь ограничить поток эмигрантов, вводят так называемый эмиграционный барьер. Нескончаемые потоки эмигрантов стали настоящей проблемой для многих стран, и данная ситуация, безусловно, отразилась и на лингвистическом уровне. Так, например, политики и общественные деятели стали избегать употребления выражения «illegal immigrant» (незаконный эмигрант), используя более нейтральные и менее идеологически маркированные выражения, такие как «illegal alien» (незаконный иностранец) или «undocumented worker» (рабочий без документов) [19]. Соответственно, такие слова как «involvement» (вовлечение) вместо «invasion» (вторжение), «conflict» (конфликт) вместо «war» (война), «political correctness» (политическая корректность) вместо «censorship» (цензура) прочно вошли в словарный состав современного английского языка. Возникновение подобных эвфемизмов объясняется широтой семантики лексических единиц и достаточной легкостью в установлении ассоциативных связей с более положительным по своему значению денотатом.

Язык политической коммуникации нельзя назвать ни художественным, ни точным; его значимой характеристикой является направленность на создание определенного эффекта. Политические лидеры рассматривают эвфемизм как эффективное средство контроля за качеством и количеством информации, которая может показаться постыдной, нежелательной, нелицеприятной. Например, бывший президент США Ричард Никсон, оправдывая свою позицию в Уотергейтском скандале, назвал методику использования открытого шпионажа *“intelligence gathering”* (сбор разведывательной информации); когда стало ясно, что президент говорил неправду, его действия и поступки были расценены американскими СМИ как *“less than truthful”* (немного неправдивые) или *“prevaricate”* (несоответствующие истине) [20]. Очевидно, что употребленные эвфемистические обороты являются слишком *“размытыми”*, поскольку истинное обозначение понятий могло оказать резкий негативный эффект на имидж президента и его команды. Другой пример, который приводит Ксионан Зао, описывает испытание ядерного оружия в Тихом океане: данная операция была названа *“operation sunshine”* (операция солнечный свет) [Ibidem]. Эксперименты по использованию ядерного оружия, главным образом, оценивают экстенсивность и эффективность взрыва, но использование эвфемистического оборота в данном случае полностью скрывает сущность явления. Обычным людям, не знакомым с технологией использования ядерного оружия, не придет в голову выстроить параллель между этим красивым названием и чудовищностью ядерного взрыва.

Одной из важных функций эвфемизмов в политическом дискурсе является возможность с их помощью вуалировать события, используя общепринятые клише. Джеймс Петрас, например, анализируя использование эвфемизмов в политическом дискурсе Венесуэлы, отметил, что зачастую политики и публицисты применяют устоявшиеся обороты в прагматических целях. Например, Уго Чавес манипулирует таким понятием как *“the independence of the Central Bank”* (независимость центрального банка). Однако это влечет за собой некоторое непонимание: от кого подразумевается независимость, и чьим интересам она служит. Центральный банк, действительно, не контролируется чиновниками, но, тем не менее, очень зависит от внутреннего и внешнего рынка, от предпочтений инвесторов. Следовательно, можно лишь весьма условно говорить о его независимости [18].

В сфере политического дискурса эвфемизмы часто используются с целью сокрытия или частичного вуалирования деятельности властей, армии, полиции, разведки, ЦРУ и некоторых других структур. Не все подлежит гласности, но поскольку социум постоянно требует информации, большинства значимых фактов приходится немного исказить или маскировать, в том числе при помощи применения эвфемизмов и генерализации понятий. В этой группе находится большое число камуфлирующих наименований в сочетании с прилагательными *“confident”*, *“secret”*, *“classified”*, *“special”*. Например: *secret agent / special agent* (секретный агент / специальный агент), *secret services* (спецслужбы), *secret information* (секретная информация), *classified activity* (действия по обеспечению секретности), *classified assets* (секретные ресурсы), *classified informational traffic* (засекреченный обмен информацией), *classified processing* (обработка секретной информации), *covert communication* (засекреченная связь), *covert transmitter* (скрыто установленный передатчик информации) [19].

При описании экономических явлений политики зачастую прибегают к использованию эвфемистических оборотов. Благополучие граждан напрямую зависит от экономического сектора, поэтому выработка его адекватной оценки является одной из приоритетных задач. В последние годы печатные издания по всему миру обсуждают проблему глобального экономического кризиса, а ведущие мировые лидеры пытаются найти всевозможные пути его преодоления, что нашло свое отражение в политическом дискурсе. Стали актуальны слова и словосочетания, обозначающие сокращение расходов, экономию, трудность положения. В качестве примера приведем некоторые эвфемизмы, функционирующие на страницах американских изданий: *to be in Queer Street* (попасть в затруднительное финансовое положение – в данном случае семантика высказывания сильно вуалирована), *to live from hand to mouth* (кое-как сводить концы с концами; жить без уверенности в будущем), *not to have a shirt to back* (дойти до крайней степени нищеты), *to be embarrassed financially* (испытывать финансовые затруднения) [Ibidem].

Описанную выше группу эвфемизмов характеризует повышенная экспрессивность. Авторы используют широких круг эвфемизмов, заменяющих обозначение главной проблемы экономики, в качестве которой выступает кризис, застой. Эвфемизмы, вуалирующие слова *“depression”* и *“crisis”*, следующие: *severe recession* (сильное снижение уровня), *protracted recession* (затянувшееся падение уровня), *major correction* (значимое изменение), *major adjustment* (важное урегулирование), *negative growth* (отрицательные темпы роста, спад) [Ibidem]. Все эти словосочетания синонимичны по своей природе, что свидетельствует о наличии множества выражений, способных скрыть неблагоприятную сущность того или иного явления. Зачастую, адресант понимает, что то или иное выражение целенаправленно смягчено, но, тем не менее, за счет положительной семантики соседствующих слов, или словосочетания в целом, он воспринимает материал в более благоприятном свете.

Эвфемизмы помогают смягчить и возрастную дискриминацию. Например, *“old people”* (старика, престарелые) сейчас повсеместно заменяется в политдискурсе на *“elderly people”* (люди преклонного возраста) или *“senior citizens”* (граждане старшего поколения). Эвфемизмы вуалируют дискриминацию по физическим и интеллектуальным способностям, например: *“disability”* (ограниченная дееспособность) вместо *“handicap”* (недостаток, дефект), *“person, individual with disability”* (человек с ограниченными возможностями) вместо *“disabled person”* (недееспособный), *“people with hearing impairments”* (люди с нарушением слуха) вместо *“deaf people”* (глухие), *“people with visual impairments”* (люди с нарушением зрения) вместо *“blind people”* (слепые), *“mentally charged”* (с запоздалым умственным развитием) вместо *“retarded”* (умственно отсталый) [14, с. 329].

Эвфемизмы употребляются в политическом дискурсе для описания внешней политики государства и дипломатических отношений. Например, ситуация войны в англоязычной прессе может именоваться с использованием

таких эвфемистических выражений, характеризующихся явной положительной семантикой как: *–pacification*” (*установление мира, порядка*), *–peace enforcement operation*” (*операция по установлению мира*), *–peacekeeping effort*” (*миротворческая операция*). Могут использоваться и более абстрактные слова и выражения, такие как: *–neutralization*” (*нейтрализация противника*), *–tense atmosphere*” (*напряженная атмосфера*), *–dangerous situation*” (*опасная ситуация*) и др. Все эти слова и словосочетания, по сути, заменяют единственное слово —*war*”. Л. М. Ковалёва выделяет следующие фразеологические обороты, заключающие в себе скрытые эвфемистические смыслы: *–taking friendly fire*” (*принять на себя дружеский огонь*) вместо *–being attacked by some one’s own troops*” (*быть обстрелянными собственными войсками по ошибке*), *–The Peacekeeper*” (*Миротворец*)” вместо *–MX-Missile*” (*межконтинентальная ракета с ядерным зарядом*), *–combat fatigue*” (*военный невроз*)” вместо *–shell shock*” (*психическая травма, полученная по время боя*), *–support the troops*” (*поддерживать войска*)” вместо *–support the war*” (*поддерживать войну*) [13, с. 98].

Сущность стратегии эвфемии определяется ее соотносительностью с такими лингвистическими понятиями, как категория вежливости и явление эвазивности. При этом эвазивность может выступать в двух формах. Под эвазивностью в речевых актах понимается «завуалированность речевого общения, выражающаяся в уклонении от ответа на высказывание адресанта в контексте речевого акта» [5; 6, с. 242]. В случае эвфемии имеет место лексико-семантическая эвазивность, т.е. говорящий пытается уклониться от использования той или иной лексической единицы или избежать относительно прямого выражения того или иного смысла. В этом случае эвазивность сопоставима с такими понятиями как политическая корректность и *double speak*.

Эвфемизмы являются одним из основных средств формирования общественного сознания и отношения к социальным явлениям. Так, например, сочувствующее отношение к драматическим коллизиям в Украине в феврале 2014 на страницах Нью-Йорк Таймс во многом сформировано использованием в текстах положительно заряженных эвфемизмов, таких как: протестующие (*protesters*), подменяя данным именованием обозначения по сути бандитов, убивающих и пытающих людей; группы экстремистов (*extremist groups*); спортсмены (*sportsmen*); антиправительственные активисты (*antigovernment activists*), ср.:

KIEV, Ukraine – Ukraine spiraled deeper into crisis on Wednesday as the government of President Viktor F. Yanukovich and several thousand grimly determined protesters – along with their supporters in Russia and Europe – prepared for an extended confrontation over the fate of this fractured country of 46 million [17] / В среду кризис в Украине стал еще глубже, в то время как правительство президента В. Януковича и тысячи решительно протестующих людей готовились к широкой конфронтации...;

As measures of the turmoil, the authorities announced a nationwide —antiterrorist operation” to keep guns and power from —extremist groups” and cashiered the country’s top general, then turned around late in the day and declared that a —tice” had been reached with political leaders of the opposition [Ibidem] / В качестве мер борьбы власти объявили о проведении «общенациональной антитеррористической операции», с целью удержать оружие и власть от попадания в руки групп экстремистов...;

Throughout the day on Wednesday, thousands of Kiev residents braved riot police and roaming bands of pro-government —portsmen” to visit the besieged protest encampment in Independence Square, now a harrowing vista of charred buildings and smoldering debris [Ibidem] / В среду тысячи киевлян поддерживали полицейских, перешедших на сторону восставших, и групп «спортсменов», выступающих за правительство...;

Beyond Lviv, antigovernment activists besieged or seized police stations and administrative buildings in Uzhgorod, Lutsk, Khmelnytsky and Poltava [Ibidem] / Во Львове антиправительственные активисты взяли в осаду или захватили полицейские участки и правительственные здания...;

Антиправительственный переворот в Украине мягко оценивается в западной прессе как политический кризис, с помощью эвфемистических номинаций, таких как: кризис (*crisis*), восстание народа (*a popular uprising*), см.:

Together, the moves suggest that Mr. Yanukovich, whose resignation many protesters see as a necessary precondition for calm, will press on with a high-risk strategy rooted in his view – zealously encouraged by the Kremlin – that Ukraine confronts not a popular uprising but a foreign-backed putsch by extremists [Ibidem] / Все перечисленное означает, что г. Янукович, отставка которого расценивается многими выступающими как необходимое условие для восстановления порядка, будет проводить политику, поддерживаемую Кремлем, оценки событий не как *народного восстания*, а как путч экстремистов, инспирированный из-за рубежа.

Таким образом, эвфемия является мощным средством формирования идеологически окрашенных дискурсивных смыслов, влияющих на политическое сознание. Эвфемизм как коммуникативное средство, содержанием которого является определенный идеологический ключ, может полярно изменять смысл высказывания, предполагать и программировать заранее необходимый результат коммуникативного взаимодействия.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации // Современный политический язык (от ритуала к метафоре). М.: Знание, 1991. 63 с.
2. Большой Энциклопедический Словарь. «Языкознание» / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.
3. Валько О. В. Явление эвфемии в современной культуре // Рябова М. Ю., Валько О. В. Идеологические механизмы языковой коммуникации и культуры. М.: Изд-во Моск. гуман. ун-та, 2013. С. 87-146.
4. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1971. 344 с.
5. Головаш Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа: автореф. дисс. ... к. филол. н. Кемерово, 2008. 24 с.

6. Головаш Л. Б., Рябова М. Ю. Способы выражения эвазивности в косвенных речевых актах // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: мат-лы межд. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 242-249.
7. Данн Дж. А. Трансформация русского языка из языка советского в язык западного образца // Политическая лингвистика. 2008. № 26. С. 49-57.
8. Деев А. А. Косметика для существительного // Языковой дискурс в социальной практике. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2007. С. 98-101.
9. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32-43.
10. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка: учебное пособие для филологических факультетов. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.
11. Заварзина Г. А. Эвфемизмы как проявление «политической корректности» // Русская речь. М.: 2006. № 2. С. 54-57.
12. Кацев А. М. К вопросу о семантической структуре эвфемистических словосочетаний в современном английском языке // Структурные аспекты слова и словосочетания: сб. науч. трудов. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 1980. С. 17-24.
13. Ковалёва Л. М. Английская грамматика: предложение и слово. Иркутск: ИГЛУ, 2008. Ч. II. 277 с.
14. Рямова Г. М. Виды эвфемизмов в английских общественно-публицистических текстах // Филология. Английское языкознание. М.: 2008. С. 328-330.
15. Сегеда А. Е. Появление и становление понятия «политическая корректность» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7. Ч. 2. С. 164-166.
16. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
17. Higgins A., Kramer A. Ukraine Leader Strains for Grip as Chaos Spreads // New York Times. 2014. Feb. 19.
18. Petras J. Venezuela: A Dictionary of Euphemisms of the Liberal Opposition [Электронный ресурс]. URL: <http://dissentvoice.org/2008/01/venezuela-a-dictionary-of-euphemisms-of-the-liberal-opposition/> (дата обращения: 06.04.2014).
19. Rawson H. Euphemisms // Roberts W. et al. About Language. Boston: Houghton Mifflin Company, 1992. P. 219-230.
20. Xiaonan Zhao, Jingping Dong. Study on the Features of English Political Euphemism and its Social Functions [Электронный ресурс] // English Language Teaching. March 2010. Vol. 3. No. 1. URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/elt/article/view/5242/4340> (дата обращения: 13.04.2014).

COMMUNICATIVE FUNCTIONS OF EUPHEMY IN POLITICAL DISCOURSE

Ryabova Marina Yur'evna, Doctor in Philology
Kemerovo State University
mriabova@inbox.ru

The article considers the functions of euphemisms in the political discourse of the modern press. The analysis of euphemisms types and structure is undertaken by the material of the modern English language in the form of media communication texts. The study shows that the main functions of euphemisms in political discourse are the following: the change of phenomena image status, unwanted information veiling or hiding, the camouflage of information, the evasive nature of communication. The classification of political euphemisms, based on their functional multidimensionality and ideological estimation, is given.

Key words and phrases: euphemy; euphemism; political discourse; ideology; veiling; evasive nature; media communication.

УДК 8; 811:81

Филологические науки

Связь слов состоит из содержания и формы. Содержанием выступают различные смысловые отношения между понятиями, а формами являются средства связи слов. Средства связи входят в систему грамматических средств, способствующих образованию речи. В данной статье исследуется конкретизирующее отношение между словами, выраженное при помощи повторения подчинительного слова; анализируются смысловые оттенки.

Ключевые слова и фразы: конкретизирующее отношение; повторение; удвоение; словосочетание; смысловые оттенки; речь.

Сагдиева Рамиля Камиловна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ramsag777@rambler.ru

ПОВТОРЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КОНКРЕТИЗИРУЮЩЕГО ОТНОШЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ[©]

Конкретизирующее отношение является видом подчинительной связи. «В разряд конкретизирующих отношений входит весьма широкий круг смысловых отношений между словами, поэтому и средства их выражения очень разнообразны» [10, с. 3]. Нами ранее были целостно и комплексно исследованы аффиксы татарского